

[\[предыдущая статья \]](#) [\[к содержанию \]](#) [\[следующая статья \]](#)

Проблема перевода

Барри Смит

К непереводимости немецкой философии^[1]

1. Два языка философии

Среди англосаксонских философов распространена точка зрения, согласно которой классические тексты немецкой философии непереводимы на английский язык. Для подтверждения этого мнения упоминают Фихте, Шеллинга, Гегеля, Ульрици, Гамана, Дильтея, Хайдеггера, Адорно и Блоха, а также не-немецких философов, которые тесно связаны с немецкой традицией, таких как Лукач, Альтюссер или Деррида.

Примечательно, что утверждение о непереводимости не распространяют на таких мыслителей как Гельмгольц, Brentano, Фреге, Штумпф, Гильберт, Райнах или Карнап, причем отчасти потому, что эти философы культивировали как философские, так и нефилософские дисциплины и применяли к своим текстам языковые критерии, отличные от критериев характерных для основного направления классической немецкой философии. Исходя из оснований, которые я попытался изложить в другом месте, этот упрек не относится также и к главным представителям австрийской философии, таким как Мах или Витгенштейн, поскольку философия в Австрии расцвела в то время, когда историческая ситуация способствовала тому, чтобы Австрия шла в своем развитии независимым путем.^[2]

Действительно, многие тексты классической немецкой философии имеют свой английский эквивалент. Однако среди англосаксонских философов все же преобладает мнение, что, в лучшем случае, речь идет о неудовлетворительном компромиссе между верностью оригиналу и прочитываемостью. И что интересно, такая точка зрения закрепилась не только у англосаксонских противников классической немецкой философии. Некоторые поклонники этой философии также давно и справедливо жалуются на качество предлагаемых переводов, причем с такой настойчивостью, которая свидетельствует о том, что в данном случае речь идет о трудностях принципиального характера, выходящих за рамки обычных проблем, с которыми сталкивается переводчик^[3]. Намного проще сделать из типичного английского философского текста легко читаемый немецкий текст, чем легко читаемый английский текст — из типичного немецкого. Естественно, это утверждение требует уточнения. Но уже сейчас мы можем констатировать, что в этом смысле отношение обоих профессиональных языков не является симметричным.

Я могу причислить себя к друзьям немецкой философии, однако, исходя из многолетнего опыта работы с философскими текстами и их переводами, я совершенно убежден в том, что тезис о непереводимости немецкой философии — это не просто предрассудок. Его, правда, можно было бы назвать, если уж кто-то этого так хочет, и предрассудком, но предрассудком *bene fundamentum*, поэтому стоит попытаться извлечь содержащуюся в его основании истину. Естественно, понятия непереводимости и непонятности не должны при этом смешиваться. Ведь язык математического доказательства или делового письма, хотя и является переводимым, но не всегда для всех понятным, и мы бы не хотели, чтобы наше исследование попросту свелось к трюизму, что, якобы, определенные тексты являются непонятными сообществу (или сообществу англосаксонских философов) только потому, что в них использован некий особый, сложный профессиональный язык. Поэтому мы не намерены мириться со стандартной реакцией некоторых представителей немецкой философии, которые утверждают, что кажущаяся англосаксам непереводимость немецкой философии проистекает из того, что они со своим примитивным английским (*Kuchenenglish*) не в состоянии постичь и выразить определенные глубины и тонкости

(Profunditäten und Subtilitäten). Мы также не намерены соглашаться и с позицией радикальных герменевтиков, которые вообще проблематизируют саму возможность переводимости (и понимания). Напротив, мы намерены собрать исходные данные о степенях и границах переводимости в философии, после чего отыскать объективные основания, которые позволят нам классифицировать некоторые философские языки по признаку их большей или меньшей переводимости.

2. Идея непереводимости

Что касается переводимости философских текстов, то асимметрия между немецким и английским покоится, прежде всего, на вполне обычных и, так сказать, безобидных синтаксических различиях между обоими языками. Английский, как язык не-флективный, вынужден довольствоваться более короткими предложениями, чем все еще сильно связанный с латынью немецкий. Поэтому во многих случаях при переводе на немецкий язык часто представляется возможным непосредственно соединять короткие предложения оригинала с короткими эквивалентами языка перевода. Этим самым форма и стиль оригинала в значительной степени могут быть сохранены, что при переводе в противоположном направлении иногда оказывается невозможным. Ведь для немецкого философского языка характерно выражение сложных идей в пределах одного предложения, поэтому некоторые английские переводы создают впечатление или попросту нечитабельных из-за того, что переводчик не сумел разбить излишне длинные по английским меркам предложения, или же впечатление плоских и маловыразительных из-за того, что результат такой разбивки повлек за собой разрушение фундаментальных аспектов текста оригинала. Следующая группа проблем перевода немецких текстов на английский язык возникает вследствие сравнительно большей скудности палитры возможностей словообразования в английском языке по сравнению с немецком. Следовательно, там, где прямой перевод в одном направлении возможен без всяких затруднений, то в противоположном направлении для того, чтобы добиться переноса смысла, часто приходится применять насилие.

Тем не менее, в некоторых областях языкового употребления между двумя языками наличествует по крайней мере частичная симметрия. По крайней мере, начиная с XIX в., существует взаимная переводимость не только между английским и немецким, но и между всеми основными культурными языками в их использовании для технических, коммерческих и естественнонаучных целей. Политические и экономические факторы последних двух столетий привели к доселе небывалой степени стандартизации языков общения в коммуникационных технологиях, в социальном образовании и гуманитарных науках. Для предыдущих поколений нередко было трудно объясниться между собой даже жителям соседних местностей. Однако постепенно национальные языки, а в особенности европейские, приобрели более стандартизированную форму, так что в результате общие критерии языкового употребления приобрели значимость в рамках целой нации. Каждый культурный язык приобрел признаки, свидетельствующие о том, что он может быть приведен в соответствие с другими языками для его использования в разнообразных практических и научных целях. А это, в свою очередь, привело к определенной простоте и трезвости тех форм языка, которые использовались в данных областях.

Современная англосаксонская и ориентированная на англосаксонскую философия испытывает сильное влияние той идеи, что философский профессиональный язык также подпадает под принцип беспрепятственной переводимости. Это произошло главным образом не потому, что сама эта философия в узком смысле желает считаться наукой, и не потому, что она занималась преимущественно научно-теоретическими проблемами. Наиболее выдающимся англосаксонским философам удалось постепенно освободиться от прежних, преимущественно литературных (историко-философских, классико-филологических) ассоциаций их профессии главным образом потому, что они решительно выступили в защиту новой (так настойчиво пропагандированной прежде всего Бертраном Расселом) формальной логики. Все, что имело отношение к филологии, как например, эстетическая очарованность языком как таковым и готовность превозмочь языковые трудности, с той поры неуклонно исчезало из наиболее значительных произведений англоязычной философии.

Разумеется, даже в благоприятном случае перевод не сводится к подстрочнику (Wort-für-Wort-Entsprechung). В последующем наша задача будет состоять не в выявлении и анализе отдельных слов и связанных с ними специфических культурно-языковых идейных и понятийных разграничений.^[4] Мы занимаемся скорее определенными стилевыми особенностями, которые проявляются только на более высоких лингвистических уровнях. Это также упрощение, даже если учитывая только взаимоотношения наиболее важных европейских языков говорить об “соизмеримости” или “переводимости” как о чем-то абсолютном. Та часть, например, немецкого, которая поддается беспрепятственному переводу на английский, вероятно, не подлежит идентификации с той частью, которая поддается переводу, скажем, на итальянский или датский языки. Впрочем, наши замечания нуждаются сверх того в определенной временной релятивизации; ведь то, что без проблем может быть переведено из одного языка на другой, со временем претерпевает изменения.

Но все же поэтическое использование языка должно сделать для нас очевидным существование таких языковых форм и практик, которые находятся далеко от стандартизированных частей языка и всегда будут там находиться, поскольку они подпадают под иные критерии, нежели критерии всеобщей понятности. Трудности, которые мы встречаем при переводе содержания некоторого поэтического произведения с одного языка на другой, связаны с дополнительными трудностями, с которыми мы, или поэт, столкнулись бы при переводе его выражений даже на общепонятные предложения его собственного языка. Схожим образом дело обстоит и в случае некоторых (“гностических”) религиозных установленных выражений и оборотов, а также демагогическое употребление языка на границе религиозного и политического находится далеко от стандартизированных частей соответствующего языка и, кажется, даже получает свою особую силу именно благодаря тому, что его языковые формы взламывают рамки обыденной общепонятности.

Один из вариантов утверждения непереводимости классической немецкой философии состоит в определенных стилевых моментах, которые пытаются обнаружить в текстах этой философии. Это моменты эмотивной силы, которые характерны для поэтического и демагогического употребления языка.^[5]

3. Философия и эзотерика

На упрек в том, что в немецкой традиции граница между философией и поэзией или демагогией проведена недостаточно четко, немецкая философия может ответить при помощи утверждения, что англосаксонские философы, вследствие некритического заимствования критериев почерпнутых из современных (“позитивных”) наук, лишили себя некоторых возможностей традиционного философского языка.

Уже в 1794 году, после разнообразных попыток сделать кантовскую или вольфовскую философию “легко читаемой и понятной для всех сословий и поколений”, Георг Густав Фюллеборн в своих *Beyträge zur Geschichte der Philosophie* сформулировал позицию классической немецкой философии в отношении такого рода экспериментов. Он писал^[6]:

“То, что современные писатели превращают в развлекательное чтение, это отнюдь не вольфовская логика, метафизика и этика: это всего лишь рассуждения об общезначимых предметах, материал для которых позаимствован из этих систем [...]. Созданная философом система, если она действительно основана на спекулятивных принципах и выведена из них с систематической основательностью, совершенно не может быть изложена без искусственного языка, что делает также невозможным ее упрощение для всеобщего чтения. Только общепользные результаты этих систем могут превратиться под руками ловких умов а la portie de tout le monde^{*}. Лихтенберговы сообщения о небе являются увлекательным чтением для каждого и как бы специально предназначены для карманной книги. Но это всего лишь результаты большого количества глубоких исследований и искусных вычислений, которые автор, при всем своем желании и способности излагать доступно, никогда не смог бы превратить в понятные для всех, занимательные сочинения.”

Далее Фюллеборн утверждает:

“Искусственный язык всегда был важной частью науки или искусства, поэтому непонятным является требование, чтобы математик, философ, скульптор или же еще кто-то, был обязан, обучать нас своей науке или искусству или же делать их для нас более понятными, не используя при этом искусственного языка”.

Те, кто разделял точку зрения Фюллеборна, а в Германии их было действительно много, расценивали как достоинство то, что философский текст характеризуется труднодоступностью в его понимании. В их представлении подлинный философский язык требует особого рода духовных усилий, и не каждому дано услышать этот призыв. В своем предисловии к *Negel-Lexikon* Глокнер пишет:

“Известно, что Гегель пользуется своим собственным языком, а поэтому он должен быть прочитан, как и философия античности или средневековья, с такой же “филологической” преданностью этому языку, который отнюдь не является общепонятным”.^[7]

Англоязычная же философия настаивает на максимальной простоте языка. Она не терпит никаких привилегий ни к лицам, ни к традициям, которые пользуются особыми привилегиями относительно языка философии. Ее понимание философии ориентировано преимущественно на воспринятое с подачи Больцано и Фреге “платоническое учение” об “объективных мыслях” или “предложениях в себе”, которое англосаксонские философы, воспитанные на расселовско-фрегевской логике, сделали центральной осью своего философствования.

Больцано и Фреге оказали влияние на язык новейшей англоязычной философии, что еще более усилило уже существующие стилистические обычаи. В результате философия стала рассматриваться как состоящая из уже готовых (предзаданных) и беспрепятственно переводимых объективных мыслей (“propositions”). В таком образом стандартизированном языке нет места для философов с их авторским своеобразием и для возможных стилистических идиосинкразий. Нет также места исторически сознательному философствованию, такого типа, какой мы встречаем, например, у Хайдеггера с его привилегированными эпохами, народами и языками. Нет также места для языкового релятивизма и вообще для момента культурной специфики. Тогда как у Гегеля, Гаманна, Гердера, Гумбольдта и Хайдеггера языковой релятивизм — это всегда повторяющийся мотив, который иногда используется даже как оправдание идиосинкразического вида использования языка.

Таким образом, между обеими традициями — немецкой (или же ею инспирированной) и англосаксонской существует раскол. Такой раскол не является для истории чем-то новым. Еще в античности Гераклит был назван “темным”, а расхожие формы текстов классических философских школ носили отпечаток учения о “степенях эзотеричности”, согласно которому “направленные наружу тексты” являются более понятными, чем эзотерические “внутренние тексты”, которые собственно и содержали важные положения. Таким образом, если дошедшие до нас тексты Платона являются скорее популярными “внешними” текстами, то тексты Аристотеля — это скорее внутренние *logoi* школы. Отсюда и проистекают трудности при толковании аристотелевского мышления.^[8] Не случайно средневековая герметика и мистика поддаются рассмотрению в качестве возможного дальнейшего развития эзотерики античности; это же, на мой взгляд, относится и ко многому из того, что понимается под “немецкой философией”. (Естественно, под “немецкой философией” не подразумевается некое гомогенное образование, а результат некоторого позднейшего установления с довольно таки неопределенными (*unterschiedlichen*) границами. Ее определение с точки зрения Макса Шелера в 1915 году или Макса Вундта в 1941, совершенно отлично от современных определений Жака Деррида или Манфреда Бура.)

Вместе с эзотерикой в качестве сущностно с ней соотнесенной части возникает комментирование. Утверждение наличия асимметрии между немецкой и англосаксонской философией находит свое обоснование в полном отсутствии литературы комментариев к произведениям англосаксонской философии. Мне известно лишь одно заслуживающее внимания исключение, а

именно, *Nouveaux Essais* Лейбница. Но и этот комментарий, как мы увидим, не является типичным образчиком вида.^[9] Зато для классической немецкой философии, причем во всех ее фазах развития, комментаторская литература отыгрывала значительную роль.

4. О возникновении философского комментария

Итак, почему возникают комментарии, и что мы можем извлечь из феномена комментирования для понимания отношения англосаксонской и немецкой философий? Грубо говоря, комментарии к некоторому тексту появляются там, где возникает необходимость сделать его более доступным. Это происходит, например, по педагогическим или популяризаторским причинам, а также по причине сопротивляемости или плотности самого текста, которые обнаруживаются либо когда текст по своей природе является трудным для понимания, либо когда он, например, из-за исторической дистанции в новой читательской перспективе представляется нуждающимся в толковании. Комментарий отличается от чисто интерпретативных произведений тем, что он основывается на цитированных сегментах текста-объекта. В нем, так сказать, “остенсивно” представлены читателю прокомментированные языковые элементы. Ведь при этом речь идет о *присутствии слова* (*Anwesenheit des Wortes*). Комментарии как таковые возникают только там, где имеет значение сам язык, как слово “авторитета” (как в случае древних ритуалов или юридической процедуры). Это мы обозначим в дальнейшем как “агиографический” момент комментирования (и *Nouveaux Essais* нетипичны прежде всего потому, что в них не осталось и следа агиографии).

И еще, комментарии возникают только там, где интерес к текстам как таковым силен прежде всего потому, что в данных культурах при оценке научных высказываний центральная роль отведена “авторитету” или “традиции” как таковым. Как метко заметил Райнер Шпехт^[10], обилие цитат, например, в текстах Суареса, является лишь внешним признаком центральной роли традиции на этой стадии развития науки. Поскольку в те времена отсутствовали сегодняшние эмпирические процедуры научной оценки фактов (*Sachverhalten*), то вместо них полагались на мнения элиты специалистов. Решающее значение имело не мнение отдельного ученого, а его мнение вместе с мнением авторитетов.

И в этом отношении мы можем констатировать своеобразие философии британцев. Ведь по крайней мере со времен Локка главная ось этой философии была направлена в противоположную от латинской и немецкой философий сторону. Если использовать уже довольно таки избитый стереотип, то можно сказать, что британская философия ориентирована на опыт и на решение проблем, а не на текст или личности, как латинская и немецкая философии. (Из этого вероятно и проистекают без конца повторяющиеся упреки в недостатке исторического сознания). Новейшие исследования философии позднего Средневековья и Ренессанса показали, в какой мере уже в XIV столетии признавались и культивировались элементы эмпирической и научной философии. А это, в свою очередь, требует нового взгляда на философскую революцию, начатую британскими эмпиристами. Исходя из нашей точки зрения, можно было бы высказать утверждение, что эта революция не в последнюю очередь состояла в том, что было прекращено писать комментарии.^[11]

Комментарии, как и переводы, возникают лишь в том случае, когда комментируемому произведению придается некое особое значение. Лишь в некоторых особых случаях, например, в комментариях к сентенциям (*Sentenzen-Kommentaren*), комментарий может быть более важным, чем базовый текст.

Таким образом, в качестве необходимых условий возникновения комментаторской литературы к данному тексту и в данной философской культуре мы можем назвать следующие:

1. Текст обладает определенной неприступностью, так что возникает необходимость толкования.
2. Язык обладает в этой культуре особой силой воздействия.
3. Имеет значение авторский дословный точный текст как таковой.

4. Традиция считается в этой культуре последней инстанцией при оценке научных выражений.
5. Текст пользуется внутри этой культуры определенной значительностью (*Bedeutsamkeit*).

Разумеется, существуют еще и совершенно случайные причины, которые играют определенную роль при возникновении комментаторской литературы. Так, например, богатая традиция средневековых *Sentenzen-Kommentare* может быть в конечном счете сведена к предписаниям теологических факультетов, а возникновение немецких комментариев к Канту, можно отчасти объяснить тем, что Файхингер в свое время сделал модным этот жанр. Таким образом, вышеперечисленные условия не являются достаточными. Но для нас важно то, что тексты английской философии не удовлетворяют ни одному из пяти условий, тогда как важнейшие тексты немецкой философии — всем. Мы пока не будем делать из этого никаких выводов, а сосредоточимся исключительно на идее комментария как такового.

5. О сущности философского комментария

Итак, что такое комментарий? Адекватный ответ на этот вопрос едва ли возможен как из-за непомерной обширности и разнообразия всей комментаторской литературы, так и по причине все еще недостаточной ее изученности. Поэтому придется нам пока что удовлетвориться выборочными пробами и полуобоснованными обобщениями, которые базируются на немногочисленных теоретических исследованиях феномена комментария как такового.^[12]

Комментарии, глоссы, схолии, экзегезы, парафразы, *adnotationes*, *animadversiones*, *explicationes*, *enarrationes*, *expositiones* образуют континуум, крайние точки которого занимают, с одной стороны, текст оригинала, соответственно, его перевод, и чисто интерпретативные произведения — с другой. Как и переводы, комментарии следует рассматривать прежде всего как продукт ориентированной на язык деятельности, и, как мы видели, они относятся к дословному тексту авторитета. Например, в комментариях к Аристотелю Александра Афродизийского или Симплиция базовый текст или собрание выдержек из него обрабатываются *строка за строкой* или *предложение за предложением*. Таким образом задача комментариев состоит в том, что бы приблизить к нам текст. Как и интерпретации им присуща определенная свобода в отношении предложений базового текста, что проявляется в критике, толковании, дополнении или упрощении комментируемого текста. Комментарий может перескакивать с одной части текста на другую, ссылаться на предыдущие комментарии, на родственные тексты и мнения, и т. п., формируя таким образом из разрозненного и недоступного материала нечто компактное и обозримое, особенно когда этот материал существует лишь в форме отдельных письменных источников. И все же, что бы быть в строгом смысле слова комментарием, он должен быть сосредоточен на базовом тексте.

Корни комментирования восходят к временам устной культуры, “когда мысль приобретала общественно структурированные устойчивые формы там, где индивидуализированная деятельность как только появлялась, если появлялась вообще, сразу подвергалась нивелировке [when thought moved ahead in a communally structured glacier when individualized activity was quickly encysted if indeed it ever appeared]”.^[13] Строгие формы, как например, формы зачина (*Ursachenprologs*),^[14] которые соблюдались при составлении комментариев даже в Средневековье, вероятно являются пережитками тех архаичных отношений. То, что является невозможным в текстах эпоса, например, титульная страница, отсутствует и в обычных средневековых комментариях. Поэтому такие комментарии демонстрируют совершенно иное, по сравнению с сегодняшним, понимание литературной собственности, плагиата и цитирования. Понятие автора как творца текста, как оно изложено в авторском праве, не имеет никакой опоры в устной культуре, и начинает развиваться только в культуре манускриптов.

Очевидно, лишь в XIV ст. к цитированным произведениям или мнениям начали составлять точные примечания, а до этого некоторые комментарии изготовлялись путем простого пере- или с-писывания или же путем конденсирования уже существующих произведений. Следовательно, современная вторичная литература возникла не только потому, что так важный когда-то

агиографический момент постепенно исчез из философии, а потому, что теперь даже неавторитеты стремились выступать авторами собственных произведений, что происходило параллельно историческому развитию понятия (научного) произведения как целостного и самостоятельного образования.^[15]

Даже в XV ст. у Марсилио Фичино отсутствует современное понятие подлинного вклада личности автора. У Фичино не было намерения, создавать свою собственную философию. К примеру цитаты в его изданном в 1469 году *Symposium-Kommentar* не являются приукрашиванием текста; его философствование воплощено все еще в цитировании.^[16] Зато в 1494 году в “*Oration ...*” Пико делла Мирандола появляется новое понимание, что проявилось в требовании права для автора представлять собственные взгляды, не заявляя при этом своей принадлежности к какой-либо школе, и что соответствует словам Сенеки “было бы жалким, черпать свою мудрость только из комментариев”.^[17]

В классической античности и в Средневековье школа определялась именно тем, что ее члены признавали общие Авторитеты (Платон, Аристотель, Фома, Скотт), а также тем, что они пытались интерпретировать их, цитируя при этом друг друга. В школу записывались руководствуясь желанием изучить значение *этих* текстов, а деятельность школы состояла преимущественно в комментировании текстов избранных авторитетов. В этой перспективе традиция библейского комментария, инициированная главным образом Бозецием и Иеронимом, а следовательно, также и позднейшая христианская теология может рассматриваться как дальнейшее развитие более древних форм, которые, разумеется, включают в себя также и еврейскую традицию комментария.

Там, где такого рода школьное образование будет доминировать, там в некоторых случаях можно ожидать возникновения большей или меньшей степени герметичности языков и языковых стилей, которые в свою очередь будут поддерживать взаимное разграничение школ и способствовать их актуальной обособленности. В качестве путеводной нити к возникающим на этой основе в базовых произведениях языковым дефектам и неясностям, комментарии и в этом отношении могут перебирать на себя функцию языка.

6. О видах комментария

Первые комментарии были составлены в Индии, где они служили выражением мощного философского конформистского мышления. Для индусов не подлежало никакому сомнению то, что ни один сам по себе мыслитель не может претендовать на приоритет узрения истины. Учителем мог называться лишь тот, кто был связан с одной из больших философских систем, составил комментарии к сутрам этой системы либо субкомментарий к одному из уже существующих комментариев.^[18]

Комментарий в его западной ипостаси со времен наиболее ранних комментариев к Гомеру прошел путь исторического развития от периода расцвета как аналога определенной преподавательской практики в Средневековье до его почти полного растворения в том, что мы сегодня называем вторичной литературой. В средневековой философии можно особо выделить следующие типы комментария:

a. Более или менее полные собрания маргиналий (“схолий”), из которых возникли наши сегодняшние “примечания”.

b. Упрощающие парафразы, например, к аристотелевской энциклопедии Авиценны и Альберта Великого, которые предназначались главным образом для школьной пропедевтики.

c. Дословные комментарии (*commentare ad litteram*), например, Аверроэса (“Комментатора”) и Фомы Аквинского к Аристотелю, в которых комментаторы строго придерживались порядка и содержания соответствующего базового текста и пытались найти “корректную” интерпретацию. Это означает, что они ставили перед собой задачу выявить и изложить слово и дух аристотелевской философии, а также обнаружить решение трудностей и сомнений.^[19]

d. комментарии к вопросам (*commentare ad quaestionem*), которые могут рассматриваться как поздняя форма классического разговорного комментария (например, Исагоги Порфирия). Такие комментарии состоят из вопросов, аргументов, контраргументов и решений и зачастую лишь отдаленно связаны с пассажами базового текста. Все эти формы являются прямым последствием тогдашних преподавательских практик в коллегиях и семинарах: Аквинат был вынужден писать комментарии по той простой причине, что был университетским профессором. И именно потому в англоязычном философском мире дело так никогда и не дошло до возникновения комментариев, что в нем никогда не было и речи о “(школьных) авторитетах” или об “общепринятом учении”, а те кто интересовался этой философией, хотели порвать именно с этими, рассматриваемыми как устаревшие, практиками Средневековья.

Комментарии могут быть разделены также:

a. по виду комментируемого произведения. Естественно, существуют комментарии не только к философским произведениям, но и к религиозным, теологическим, поэтическим, а также к различным светским и каноничным кодексам (законов). Феномен юридических комментариев ставит специальные вопросы, как например, вопрос о первоначальном отношении юридических, теологических и философских форм обучения^[20], а также вопросы об основаниях широко распространенного использования в юридических текстах архаических выражений. В философии, равно как и в юриспруденции, единство средневекового лекционного курса обеспечивалось уставом, и поскольку комментарии были тесно связаны с лекциями, то и их видовая унификация определялась тогдашней преподавательской практикой.^[21] Заслуживает внимания также и тот факт, что сущность юридического комментария с его систематическим культивированием “господствующего мнения”, представляет собой метод содержательного установления законов, что во многих отношениях напоминает уже упомянутый средневековый научный метод. Впрочем, юридические комментарии также почти полностью отсутствовали в англоязычном мире, что конечно же было связано главным образом с отсутствием соответствующих базовых произведений (юридических кодексов).

Комментарии могут также различаться:

b. по виду (ориентированность на язык, соотв. ориентированность на идейное содержание) комментария: Как и перевод, комментарий движется параллельно базовому тексту. Но в отличие от перевода комментарий не заменяет собой оригинал. Подобно самостоятельным интерпретирующим произведениям он работает, так сказать, на метауровне. В нем речь идет о предложениях базового произведения, которые рассматриваются в нескольких аспектах^[22]. Лингвистическая ориентация доминирует в тех комментариях, где речь идет прежде всего о самих этих предложениях как языковых объектах. Тогда как интерпретирующая ориентация преобладает там, где на первый план выступают выраженные в этих предложениях идеи. По-видимому это происходит потому, что возможны несколько толкований или же потому, что наиболее естественное толкование не может быть приведено в соответствие с господствующим мнением.

До составления интерпретирующих комментариев дело доходит также и тогда, когда, как в случае грамматики Панини (*paninischen Grammatik*), текст написан чересчур сжато или афористично, или же, как в случае досократиков, текст сохранился лишь в виде фрагментов. По этой же причине возникли и интерпретативные комментарии к текстам позднего Витгенштейна, поскольку именно в них воплощена последовательно осуществленная попытка написать полностью беспроблемную в языковом отношении философию и где Витгенштейн попытался использовать исключительно существующий общепонятный язык. Комментарии к Витгенштейну возникли не на основании сложности его языка. Они скорее образуют для нас контекст (соотношения и взаимосвязи) выраженного ими идейного содержания.

И все-таки во многих случаях в возникновении комментариев существенную роль сыграли языковые моменты. Не только потому, что точные слова комментируемого авторитета были важными, но и потому, что сами эти слова часто передавались в такой форме, которая порождала

языковые проблемы. Например, латинские переводы Аристотеля были, опять-таки из уважения к авторитету, подстрочниками, которые не могли уменьшить трудности языка оригинала.

Комментарии к художественным произведениям имеют на сегодняшний день главным образом функцию сопоставления реалий, которое должно документально засвидетельствовать отношения между произведением, автором и временем возникновения этого произведения. Раньше ориентированные на язык комментарии к таким произведениям развивались особенно там, где интеллектуальные и религиозные элементы сплавлялись с поэтическими намерениями, как например, в случае произведений Данте. Это еще раз указывает на то, что комментарии могут иногда быть естественным результатом отклонений от общепонятности языка общения, например, таких отклонений, которые коренятся либо в особой смысловой сложности, либо в особой эмоциональной силе.

Наиболее чистыми случаями комментариев, ориентированных преимущественно на язык, являются филологические произведения. Особенно во времена гуманистов к тексту пытались относиться с филологической последовательностью. Впоследствии эта традиция была продолжена в XIX в. главным образом в Германии. Прежде всего, при помощи своих комментариев гуманисты хотели издавать как можно в более чистой форме оригинальные тексты, чтобы с их помощью наглядно продемонстрировать лингвистические нормы “золотого века римской литературы”. Разумеется, посредством этой новой точности при издании текстов они преследовали и практические цели. Во-первых, это были цели морального характера, т. е. они хотели посредством своих комментариев освоить не только язык древних, но одновременно и их жизненную мудрость. Во-вторых, мы можем привести парадигмальный пример иатрофилолога Юлия Цезаря Скалигера, который составил комментарии к Теофрастовым трудам по ботанике и пытался посредством филолого-исторического комментирования античных текстов заниматься наукой. [23]

Есть еще и такие комментарии, которые в нашем смысле являются ориентированными на язык и отражают специфический опыт со стороны автора соответствующего базового текста по предоставлению новых языковых средств для выражения его идей, средства, которые по необходимости находятся вне существующего в определенное время разговорного языка. Поскольку в таких случаях мы имеем дело с изобретенным языком, то, строго говоря, здесь научно-филологический подход исключен. Здесь нет никаких (филологически разрешимых) проблем при правильном понимании текста, поскольку язык, например Хайдеггера, обладает статусом единичного случая. Естественно, соответствующие тексты можно адекватно толковать только обладая соответствующей филологической подготовкой. Но проблемы, возникающие при такого рода толковании, не являются ни языковыми (не являются они и филологическими проблемами), ни чисто интерпретативными; по-видимому, они состоят из своеобразного их смешения. [24]

Кроме того, комментарии различаются:

с. по соотношению намерений и мировоззрений комментируемого и комментирующего автора: Проблемы, с которыми пытаются справиться комментарии, не всегда возникают из тех оснований, которые находятся в самих базовых текстах. Вспоминается феномен Вергилиевых или Овидиевых *moralisé*, а также цензурированные издания Библии и сочинения Шекспира. С этой точки зрения интересным, приближающимся к нулю, предельным случаем комментария являются передразнивания Деррида, которые, насколько это вообще возможно определить, были составлены с намерением опровергнуть ту идею, что за текстом вообще может стоять нечто такое, как “намерение”. Само собой разумеется, что комментарии, которые изготовлены в такой манере, исходя из особых намерений комментатора, не представляют собой никакого прямого разъяснения каких-либо (например, языковых) особенностей базового текста.

И наконец, четвертым различием между комментариями является:

d. языковое отношение комментирующего к комментируемому произведению: Вышеприведенное утверждение, относительно того, что возникновение комментаторской литературы может рассматриваться как критерий непереводимости текста, утрачивает свою силу там, где

комментарий и комментируемое произведение написаны на одном языке, и что в философии рассматривается как нормальный случай (опять таки имеется ввиду как индийская философия, так и западное Средневековье). Но там, где текст и комментарий написаны на различных языках, и где, следовательно, несколько языков считаются философскими, там для нашего утверждения нет никаких препятствий. В этом случае комментарий может рассматриваться как своеобразный мост между двумя различными языками, который может быть более прочным, чем то, что удалось бы достигнуть посредством перевода. Для наших целей в этом отношении может иметь значение то, что как раз комментарии к Гегелю и Хайдеггеру — в отличие от комментариев к Ведам, к Фоме, или же к Декарту — были написаны преимущественно на иных языках, чем соответствующие базовые тексты. Вспоминаются также комментарии Ленина, Ипполита, Кожева, Стирлинга, МакТаггарта, Стейси, Мьюэ, Харриса и Леонарда к Гегелю, а также комментарии Дрейфуса, Гельвена, Келина и Коккельманса к Хайдеггеру.^[25]

7. Заключительные замечания

Итак, насколько правомерно наше утверждение, что комментарии могут рассматриваться как признаки языковых дефектов в соответствующих базовых текстах? Подводя итоги, мы можем сказать, что такого рода утверждение имеет силу лишь тогда, когда тексты некоторого автора, написанные на одном языке, привели к возникновению комментариев прежде всего на другом языке, и когда они составлены в духе комментированного автора.

Не должно вызывать сомнений то, что тексты Аристотеля соответствуют вышеприведенным требованиям. Однако, необходимо учесть, что нам известны лишь внутренние тексты его философской школы. Все-таки Философ проявил мужество, сумев совершенно по-новому приспособить обычный греческий язык к нуждам философии. Это же относится и к Хайдеггеру, который представляет здесь для нас классическую немецкую философию — правда, без четко просматриваемой противоположности между внутренними и внешними текстами его философии. Впрочем, и у Хайдеггера мы можем встретить много других отмеченных выше моментов непереводимости, например, момент риторического эффекта. Ведь каждый, кто использовал Хайдеггера в качестве учебного материала, знает о том, как добиваться желаемого воздействия, используя силу его текстов, которые обладают поразительным сходством с воздействием религиозной проповеди.

Следовательно, мой тезис состоит в утверждении непереводимости (разумеется, проистекающую из различных оснований) текстов Аристотеля и Хайдеггера, и для этой непереводимости я предложил объективный верифицируемый критерий, согласно которому английская философия (в особом обозначенном здесь смысле) никогда не считалась непереводимой. Перевод является историческим процессом, и в некоторых случаях для того, чтобы данное произведение могло быть адекватно переведено, сперва должна быть создана особая переводческая традиция (иногда опять таки при помощи комментариев). Представляется, что в этом отношении японцы (как и итальянцы) обладают в сравнении с англосаксами лучше развитой переводческой традицией, поэтому сам факт наличия нескольких различных переводов на японский *Бытия и времени*, ставит под вопрос бытующее мнение, что хайдеггеровские тексты легче перевести на японский, нежели на английский.

Во всяком случае, асимметрия между немецкой и англосаксонской философией продолжает существовать. Ведь на протяжении всего своего развития немецкоязычная философия все время инициировала движения и течения, которые характеризовались более или менее непреодолимым стилем языка, и приводила к созданию таких текстов, которые или вообще не поддаются адекватному переводу, или требуют сравнительно длительного процесса перевода. Тогда как англосаксонская философия во всех фазах своего развития поддается относительно беспрепятственному переводу на другие европейские языки. Вопрос, что должно рассматриваться в качестве признака большей философской культуры, мы оставляем открытым.

Как уже было сказано, тезис об особом, герметичном характере немецкой философии, распространяется только на ту ее часть, которую я назвал “главным направлением классической немецкой философии”. Прежде всего, это относится к произведениям тех идеалистических

мыслителей, которые в совокупной немецкой культуре сами были связаны со становлением немецкого национального сознания и немецкой нации, а также к таким философам, как Хайдеггер, которые создали свою философию в преемственность этой *Philosophiae Germaniae*. Относительно этой философии следует дать ответ на два вопроса:

(a) Почему немецкая философия так сильно и так длительно чувствовала себя привязанной к авторитетам и текстам, как бы желая на манер иатрофиологов выжать знание из самих слов?

(b) Почему в Германии так часто возникали философские стили, которые являются препятствием для понимания соответствующих текстов?

Ad (a): Ориентированность немецкой философии на текст, по-видимому, отчасти обусловлена тем, что эта философия, как и философия Средневековья, в большой степени является продуктом университетов. Тогда как наиболее значительные философские течения в Англии и Франции были вынуждены преодолевать сопротивление тамошних университетов. Первые немецкоязычные университетские философы заимствовали учебный материал и формы преподавания у своих схоластических предшественников. Приблизительно до 1800 года комментарий (преимущественно неопубликованный) был предписанной формой преподавания философии в немецких университетах, а в юриспруденции он используется до сегодняшнего дня. (Кант также читал согласно университетскому предписанию комментарии; по своей же философии он не провел ни одного семинара). Естественно, со временем и в Англии философия превратилась в университетскую дисциплину. Правда тамошнее философское обучение является семинарским: философствованию обучают главным образом посредством практики аргументации, тогда как в университетах континентальной Европы обучение философии происходит по-прежнему в школярских коллегиях (*schulartigen Kollegs*), преимущественно при большой аудитории, большинство которой никогда не станет профессиональными философами; разве что наиболее одаренные студенты со временем получают возможность самим издавать тексты, при чем большей частью без контроля посредством дискуссии и аргументирования, что в англосаксонском пространстве считается необходимыми. В таких условиях возможна не более чем история философии, под которой, правда, следует понимать опять-таки не историю философских идей, аргументов и проблем, а историю больших текстов (что делает понятным, почему в современной континентально-европейской философии центральная роль отводится герменевтике).

Ad (b): В Германии были унаследованы не только классические, ориентированные на комментарии формы обучения. Вместе с ними немецкоязычными университетскими философами была воспринята порожденная этими формами практика создания школ, орто- и гетеродоксии, и прежде всего создание герметично сформулированных “внутренних” доктрин. Особенно примечательна в этом отношении противоположность относительно самостоятельности философов-одиночек в Великобритании (а раньше также и во Франции). В Англии *lingua franca* философии укрепился в то время, когда в общем доминировала установка на современную эмпирическую науку и антисхоластическую, антиавторитарную ориентацию. Это же относится и к Австрии, где в сравнении с восточноевропейскими странами собственная философия возникла много позже. Совсем иначе в Германии, где родной язык (*Muttersprache*) философии установился в то время, когда преобладали интеллектуальные силы религиозного и политического толка.

Конечно же, в определенной степени всегда останется неясным, насколько такие исторические выкладки о корнях немецкой философии способны вскрыть причины ее сегодняшнего языкового своеобразия, причем даже тогда, когда исследование различных образцов культурной эволюции указывает на то, что точное время возникновения некоторого культурного феномена часто определяет стиль и форму феномена в его позднейшем развитии. Соответственно и ситуация была бы без сомнения совершенно иной, если бы не Кант, Фихте и Гегель, а Лейбниц установил литературные стандарты современной немецкой философии.

Перевод с немецкого Я. Саноцкого

по изданию: Barry Smith. *Zur Nichtubersetzbarkeit der deutschen Philosophie* // Dietrich Papenfuss und Otto Poggeler (hrsg.) *Zur philosophischen Aktualitat Heideggers*. Band 3. Vittorio Klostermann —

Frankfurt am Main 1992, ss. 125-147.

Переводчик благодарит Б. Домбровского и В. Петрушенко за помощь при подготовке материала к печати.

[1] Наиболее существенные преувеличения в ранних редакциях этого текста были элиминированы благодаря метким комментариям Карла Шуманна, который, однако, не несет никакой ответственности за его содержание. Я также благодарен за важные замечания Йоганнесу Брандлу, Акселю Бюлеру, Роберто Кассати, Яну Йордену, Уве Майкснеру и Кевину Маллигену.

[2] В качестве дополнительного изложения особенностей австрийской философии см. мои статьи: *Austrian Origins of Logical Positivism*. — В. Gower (Hrsg.): *Logical Positivism in Perspective*. London. Sidney 1987, а также *On the Origins of Analytic Philosophy*. — Grazer Philosophische Studien, 35 (1989). См. по этой теме также К. Mulligan: *Genauigkeit und Geschwatz*. — Н. Bachmaier (Hrsg.): *Wien — Paradigmen der Moderne*. Amsterdam 1990.

[3] ср. типичное по своей языковой неясности примечание С. М. Вебера во введении к его переводу Адорно: “Если Адорно вообще переводим — что никоим образом не может считаться само собой разумеющимся — так это именно благодаря его непереводимости”. (*T. W. Adorno: Prisms*. London 1967, 14).

[4] см. *E. B. Ashton: Translating Philosophy*. — Delos. 6 (1971).

[5] Это проявляется в таких синтаксических особенностях, как частота использования петита и курсива, отсутствии деления на параграфы, ритмическом повторении определенных форм выражений и т. п.

[6] *Gustav Fulleborn: Beiträge zur Geschichte der Philosophie*. Viertes Stuck. Zulichau und Freystadt 1794; die folgenden Zitate 138f und 141.

* — быть доступным пониманию для всех (для всего мира).

[7] *Hermann Glockner: Hegel-Lexikon*. Stuttgart 1935, XIII.

[8] см. *W. Jaeger: Studien zur Entstehungsgeschichte der Metaphysik des Aristoteles*. Berlin 1912, 136f. а также *Joseph Owens: The Doctrine of Being in the Aristotelian 'Metaphysics'*. Toronto 1963, 75ff.

[9] Также и Миллевы *Examination of Sir William Hamilton's Philosophy* не являются подлинным исключением, поскольку в этом произведении комментируются несколько текстов Гамильтона. Впрочем, Норман Кемп Смес написал в 1918 году комментарий к *Критике чистого разума* Канта. Тогда как его *The Philosophy of David Hume*. London 1941, хотя во многих отношениях и сопоставим с его предыдущим трудом, является все же не комментарием, а “Критическим исследованием происхождения и главных положений” Юмовской философии. Под “комментарием” я таким образом понимаю только самостоятельные произведения, а не комментирующие замечания, которые публикуются как часть критического издания. см. об этом мою статью: *Textual Deference*. *American Philosophical Quarterly*. 28 (1991), 1ff.

[10] *Rainer Specht “Über den Stil der Disputationes Metaphysicae von Francisco Suarez”*. — *Allgemeine Zeitschrift für Philosophie*, 13 (1988), 24.

[11] В наше время такую же революцию мы наблюдаем в странах, которые еще остаются коммунистическими. Сейчас там уже начали признавать иные критерии для оценки научных высказываний, чем те, которые проистекали из комментирования произведений Маркса и Энгельса. (Статья написана в 1989 году. — *Прим. перев.*)

- [12] Здесь следует прежде всего упомянуть: *B. Sandkühler: Die frühen Dantekommentare und ihr Verhältnis zur mittelalterlichen Kommentartradition*. Regensburg 1966, а также *A. Buck and O. Herding (eds.): Der Kommentar in der Renaissance*. Boppard 1975.
- [13] *Walter Ong: The Presence of the World*. New Haven and London 1967, 40.
- [14] ср. *B. Sandkühler: Die frühen Dantekommentare und ihr Verhältnis zur mittelalterlichen Kommentartradition*. а.а.О., 24ff.
- [15] Интересные замечания о параллельных феноменах в области музыкального компонирования см. *L. Goehrs: The Work of Music*. (готовится к изданию).
- [16] см. Введение *P. R. Blum* к немецкому изданию *Ficino: Über die Liebe*. Hamburg 1984, XIII.
- [17] Цитируется по *J. Ijsewijn: Laurentius Vallas "sprachliche Kommentare"*. — *A. Buck und O. Herding (Hrsg.): Der Kommentar in der Renaissance*. а.а.О., 93.
- [18] ср. относительно этого *J. N. Mohanty: "Indian Philosophy"*. — *Encyclopedia Britannica*. vol. 21, 15th. ed. 1985, 181.
- [19] см. *M. Grabmann: Die Aristoteles Kommentare des Heiligen Thomas von Aquin*. — *M. Grabmann: Mittelalterliches Geistesleben*. München 1926, 281ff. Как выражается Грабманн, перед глазами Фомы все время витал идеал — определить и сохранить "intentio Aristotelis". Однако иногда он присовокупляет собственные соображения и констатирует противоречия между аристотелевской философией и католическим вероучением.
- [20] ср. *G. Makdisi: The Scholastic Method in Medieval Education. An Inquiry into its Origins in Law and Theology*. — *Speculum*. 49 (1974).
- [21] см. *H. E. Troje: Alciats Methode der Kommentierung des "Corpus iuris civilis"*. — *A. Buck und O. Herding (Hrsg.): Der Kommentar in der Renaissance*. а.а.О., 48.
- [22] В частности, в средневековых библейских комментариях в тексте различали четыре так называемых "уровней смысла", что влекло за собой соответственно четырехкратное комментирование: морального смысла, исторических событий, аллегорического, или мистического, о смысле и намеков. см. *Henri de Lubac: Exégèse Médiévale — Les quatre sens de l'Ecriture*. Lyon 1959.
- [23] ср. *P. Dilg: Die botanische Kommentarliteratur in Italien um 1500 und ihr Einfluss auf Deutschland*. — *A. Buck und O. Herding (Hrsg.): Der Kommentar in der Renaissance*. а.а.О.
- [24] см. *R. A. Bast und H. P. Delfosse: Handbuch zum Textstudium von Martin Heideggers "Sein und Zeit"*. Bd 1. Stellenindizes, Philologisch-kritischer Apparat. Stuttgart 1979, статья в которой обсуждается "научный идиолект" Хайдеггера (XIII).
- [25] *H. L. Dreyfus: A Commentary on Martin Heidegger's "Being and Time"*. Cambridge, Mass. 1990; *M. Gelven: A Commentary on Heidegger's "Being and Time": A Section-by Section Interpretation*. New York 1970; *E. F. Kaelin: Heidegger's "Being and Time": A Reader for Readers*. Tallahassee, University Presses of Florida 1988. ср. также *J. J. Kockelmans (Hrsg.): A Companion to Martin Heidegger's "Being and Time"*. — *Current Continental Research*, 550; Lanham and London 1986 (University Press of America and Pittsburg: Center for Advanced Research in Phenomenology), а также *R. A. Bast und H. P. Delfosse: Handbuch zum Textstudium von Martin Heideggers "Sein und Zeit"*. а.а.О. и богатую комментаторскую литературу к Хайдеггеру на французском и итальянском.

[[предыдущая статья](#)] [[к содержанию](#)] [[следующая статья](#)]

[начальная](#)

[personalia](#)

[портфель](#)

[архив](#)

[ресурсы](#)

[о журнале](#)